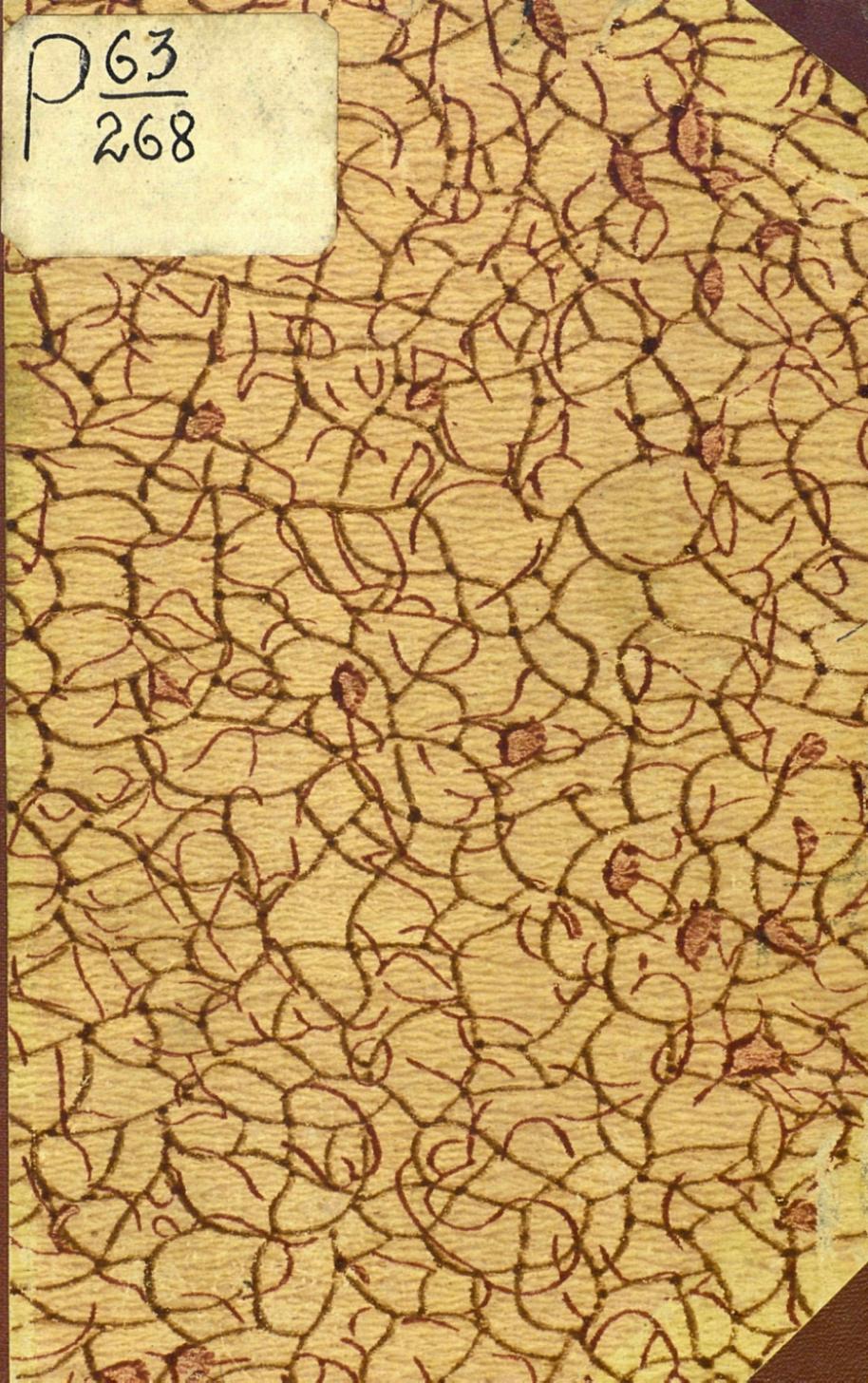

P 63
268

Отдельные оттиски
из № 16 газеты
„ПРАВДА“.

Р 63
268

ЖИЗНЬ

И

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Н. В. Рукавишникова.

Рѣчь произнесенная въ Москвѣ, 4 апрѣля 1901 г., на
открытіи третьяго сѣзда русской группы международ-
наго союза криминалистовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія акц. общ. Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., № 18.
1901.

Отдельные оттиски
из № 16 газеты
"ПРАВДА"

P 63
268

ЖИЗНЬ

И

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Н. В. Рукавишникова.

Рѣчь произнесенная въ Москвѣ, 4 апрѣля 1901 г., на
открытіи третьяго съѣзда русской группы международ-
наго союза криминалистовъ.

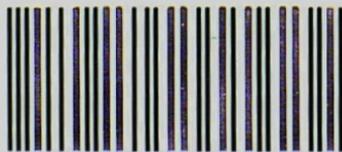
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія акц. общ. Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., № 18.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 апрѣля 1901 г.

ар. 33-6216

2007099565

Въ самомъ началѣ программы третьяго сѣзда криминалистовъ, впереди заглавій докладовъ, сообщеній и рѣчей, посвященныхъ важнымъ вопросамъ уголовного права и уголовной политики, мы читаемъ три имени: Н. В. Рукавишниковъ — докторъ Гаазъ — Ровинскій. Эти имена сами по себѣ краснорѣчивы; сопоставленіе ихъ здѣсь полно глубокаго значенія. При всемъ различіи общественнаго положенія, исторической роли и внѣшнихъ формъ дѣятельности, Ровинскій, Гаазъ и Рукавишниковъ сходятся въ одномъ: въ основной чертѣ ихъ характера, отразившейся на всѣхъ начинаніяхъ и подвигахъ ихъ жизни. Къ каждому изъ нихъ болѣе всего подходитъ опредѣленіе „дѣятельный человѣколюбецъ“.

Много есть разнообразныхъ способовъ „возлюбить ближняго“. Любить дѣятельно, настоящимъ дѣломъ выразить любовь —наиболѣе простая и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе трудная задача,—въ особенности тогда, когда рѣчь идетъ о „падшихъ братьяхъ“, о тѣхъ, кто вступилъ на стезю порока и преступленія, на комъ уже лежитъ клеймо, кто рано зачерствѣлъ и ожесточился и мало воспримчивъ къ добру и кротости.

Въ самомъ учрежденіи нашего союза, — а

главное, — въ работахъ русской группы уже сказалось благородное стремленіе протянуть руку помощи этимъ падшимъ братьямъ. Цѣль эту преслѣдовала разработка вопросовъ объ условномъ осужденіи, досрочномъ освобожденіи; она же имѣлась въ виду при постановкѣ предстоящаго нынѣ нашему разсмотрѣнію вопроса о патронатѣ. Научно-практическое освѣщеніе и разрѣшеніе намѣченныхъ проблемъ представляется, конечно, дѣломъ огромной важности. Но было бы прискорбною ошибкой думать, что этимъ — и этимъ однимъ — можно достигнуть успѣха; что напр., удачнѣйшая регламентація условнаго осужденія, или выработка идеальнѣйшей формы патроната даютъ право сказать „*feci quod potui*“. Все это и многое другое — лишь внѣшнія рамки, — лишь оболочка, и если внутри этой оболочки не будетъ живаго духа, воплощающагося въ дѣятелѣ, полномъ самоотверженной любви, — всѣ наши выводы и пожеланія окажутся „мѣдью звенящей“, „кимваломъ бряцающимъ“. Это — старая, общезвѣстная истина, ее бы слѣдовало считать аксіомой уголовной политики вообще и тюремовѣдѣнія въ частности, понявъ, что только при этомъ условіи тюремовѣдѣніе перестаетъ быть, по жесткому слову великаго писателя, наукой о томъ, какъ получше мучить людей. Между тѣмъ, истина эта нерѣдко забывается, — еще чаще оставляется на заднемъ

планъ, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, о чемъ и говорить нечего. Не въ этомъ ли разгадка частыхъ неуспѣховъ отлично задуманныхъ реформъ, не здѣсь ли объясненіе неудачъ, постигающихъ гуманнѣйшія, глубоко-симпатичныя учрежденія?..

Какъ бы то ни было, къ нашимъ работамъ подобный упрекъ непримѣнимъ. Начиная ихъ подъ знаменемъ трехъ доблестныхъ именъ, наше собраніе тѣмъ самымъ ярко выражаетъ и подчеркиваетъ мысль о великомъ значеніи такихъ „дѣятельныхъ человѣколюбцевъ“. И какъ не помянуть ихъ здѣсь, въ Москвѣ, гдѣ протекла работа всей жизни двухъ изъ нихъ,—лучшіе годы жизни третьяго? При томъ невольно думается: побольше бы такихъ людей, какими были они,—и многіе изъ тѣхъ вопросовъ, передъ рѣшеніемъ которыхъ мы теперь останавливаемся съ недоумѣніемъ, чувствуя безсиліе свое, — сами собою бы рѣшались, — а другіе и не поднимались бы вовсе. И всѣ наши труды и усилія могутъ принести плодъ только въ томъ случаѣ, если найдутся такіе люди...

Обладая однимъ общимъ основнымъ душевнымъ свойствомъ, Гаазъ, Ровинскій, Н. В. Руквишниковъ во многихъ другихъ отношеніяхъ представляютъ между собою глубокія различія. Изъ нихъ наиболѣе рѣзкое—продолжительность пройденнаго ими жизненнаго пути. Гаазъ и Ровинскій почилы „исполненные

долготою дней“, со спокойнымъ сознаниемъ, что они довольно потрудились, свершили „въ предѣлахъ земныхъ—все земное“. Не такова была судьба Н. В—ча. Ему едва исполнилось тридцать лѣтъ, онъ едва переступилъ тотъ рубежъ, на которомъ настаеъ полдень жизни и приходится прощаться съ „легкой юностью“—какъ смерть похитила его. Въ этой ранней, безвременной смерти есть что-то загадочное. Древнiе, сталкиваясь съ такими загадками, красиво и трогательно разрѣшали ихъ, говоря: „кого боги возлюбили, тѣ рано умираютъ“. Пусть такъ: все же разумъ нѣмѣетъ передъ кажущеюся несправедливостью, сердце скорбитъ, поражаемое ранней потерей,—но зато не чище ли, не возвышеннѣе ли остается представленiе о томъ, чья душа

„Земли едва коснулась

„И отъ земли ужъ отвернулась“.

Для громаднаго большинства, въ 30 лѣтъ только начинается общественная дѣятельность. Сводя въ эти годы счеты съ минувшей юностью, мы должны обыкновенно признать, что прошедшее было занято главнымъ образомъ личной жизнью, въ лучшемъ случаѣ—подготовкой къ работѣ на пользу другихъ. Кто не насчитаетъ множества ошибокъ и увлеченiй, бесплодныхъ порывовъ, тщетныхъ поисковъ, прежде всего—личнаго счастья... Кто можетъ сказать, что съ самаго начала сознательной

жизни, съ минуты, когда возникла лишь возможность общественнаго служенія, этому служенію было принесено въ жертву все личное,— или, лучше сказать, пробудилось сознаніе, что прочное счастье — въ этомъ именно служеніи. Наконецъ, кто не ошибался въ своемъ призваніи, не принималъ мимолетныхъ увлеченій за глубокія, серьезныя стремленія? Такихъ счастливецъ немного, и Н. В — чь принадлежалъ къ ихъ числу. Въ немъ мы видимъ рѣдкій и поразительный примѣръ челоуѣка, неожиданно почувствовавшаго свое общественное призваніе, всецѣло охваченнаго этимъ чувствомъ, безъ колебаній и безъ поворота отдавагося призванію и не *пожертвовавшаго* даже своимъ личнымъ счастьемъ — слово „жертва“ тутъ неумѣстно,—а просто упразднившаго всякое личное стремленіе, ради того общественнаго дѣла, въ которомъ съ этой минуты сосредоточивался для него смыслъ жизни. Этотъ важный, рѣшительный моментъ въ жизни Н. В—ча наступилъ на 25 году. Любопытно, что онъ вовсе и не былъ подготовленъ къ тому дѣлу, которое должно было прославить его имя, — мало того, онъ никогда о немъ не думалъ и нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы до 1870 г. онъ имъ интересовался. Не юристъ по образованію, блестящій кандидатъ Московскаго университета по физико-математическому факультету, готовившійся посвятить себя гор-

ному дѣлу, Н. В.—чь до того времени едва ли даже и зналъ о существованіи того скромнаго маленькаго учрежденія, которому онъ долженъ былъ въ послѣдствіи отдать всѣ силы, и съ радостной гордостью называть его своимъ.

Исторія этого учрежденія извѣстна. Я ее здѣсь напомяну лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ,—и нельзя будетъ при томъ пройти молчаніемъ имя другого благороднаго, гуманнаго дѣятеля, лишь недавно, на нашихъ глазахъ, окончившаго жизнь, проникнутую высокими принципами и свѣтлыми идеалами,—дѣятеля, чье горячее слово указало настоящій путь Н. В.—чу, пробудивъ его нравственныя силы. Говорю о М. Н. Капустинѣ. Имя его, какъ и имя Александры Николаевны Стрекаловой, предсѣдательницы общества распространенія полезныхъ книгъ, неразрывно связано съ исторіей возникновенія пріюта, въ послѣдствіи получившаго названіе Рукавишниковскаго.

Отчетъ комитета этого общества за третій годъ существованія его рассказываетъ исторію о томъ, какъ общество въ 1863 г. взялось за предпріятіе, которое могло, по его мнѣнію, имѣть весьма благотворное вліяніе на общественную нравственность. Предположено было завести исправительную школу для малолѣтнихъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ или судомъ, подлежащихъ отдачѣ на поруки или остающихся безъ пріюта по окончаніи надѣ

ними суда, а также для празднующихся дѣтей, занимающихся нищенствомъ. Для помѣщенія этой школы нанять былъ домъ, принадлежащій Симонову монастырю и находящійся вблизи монастыря.

Средства къ содержанію школы должны были быть доставляемы введеніемъ переплетнаго мастерства, которому предполагалось обучать мальчиковъ. Собрана была небольшая сумма на первоначальное обзаведеніе школы. При ней должны были „состоять“ смотритель и сторожъ. Для обученія закону Божію имѣлось въ виду пригласить одного изъ иноковъ монастыря. Обученіе грамотѣ ввѣрялось смотрителю, обученіе мастерству—опытному мастеру.

Перу М. Н. Капустина, получившаго въ свое завѣдываніе первоначально лишь воспитательную и учебную часть школы, а вскорѣ потомъ и общее веденіе ея, принадлежит первый отчетъ о школѣ, за первые 6 мѣсяцевъ ея существованія. Здѣсь констатировалось, что учрежденіе это было первымъ и единственнымъ въ то время въ Россіи. Съ самаго начала въ него принимались мальчики, не свыше 14 лѣтъ отъ роду, помѣщаемые попечительствомъ о тюрьмахъ и по его же требованію подлежащіе возвращенію. Такимъ образомъ воспитанники поступали на неопредѣленное время и могли быть взяты обратно, независимо отъ степени ихъ исправленія. На ряду

съ этимъ болѣе постоянный контингентъ представляли мальчики, поступавшіе изъ работнаго дома.

Всѣхъ дѣтей въ первый годъ было 10 чел. Мальчиковъ предполагалось выпускать по достиженіи ими 16-лѣтняго возраста, продолжая этотъ срокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мальчикъ, по своимъ наклонностямъ и развитію, не можетъ еще обойтись безъ постоянного надзора.

Отчеты послѣдующихъ годовъ рисуютъ все ту же картину. Маленькое дѣло, благодаря усиліямъ М. Н. Капустина и сочувствію общества, все тверже становится на ноги, но дальнѣйшаго развитія не получаетъ.

Объясняется такое явленіе главнымъ образомъ, конечно, недостаткомъ матеріальныхъ средствъ, но кромѣ того и тѣмъ, что тѣ лица, которыя стояли во главѣ этого дѣла, сердечно любя его и содѣйствуя всячески его преуспѣянію, имѣли множество другихъ дѣлъ и занятій и не могли всецѣло отдаться скромной задачѣ, вложить всю душу свою въ юное учрежденіе.

Со введеніемъ судебной реформы въ пріютъ начинаютъ принимать малолѣтнихъ, осужденныхъ мировыми судьями и окружными судами.

Нельзя при этомъ не вспомнить, что учрежденіе новыхъ судовъ имѣло вліяніе и на матеріальную судьбу пріюта. Отчеты констатируютъ съ первыхъ же лѣтъ отрадный фактъ: въ многочисленныхъ случаяхъ московскими

присяжными собираются по подпискѣ небольшія суммы на исправительный пріютъ.

Въ 1868 г. утвержденъ былъ уставъ исправительнаго пріюта, послѣ того какъ законъ 1866 г. открылъ широко двери общественной и частной инициативѣ въ дѣлѣ созданія у насъ исправительнаго воспитанія.

Количество воспитанниковъ въ пріютѣ въ это время нѣсколько увеличилось, и обстоятельство это, радуя М. Н. Капустина, въ тоже время смущало его. Въ отчетѣ своемъ за 1867—1868 г. онъ говоритъ: „Мнѣ кажется, что задача пріюта можетъ быть выполнена только при ограниченномъ числѣ содержащихся въ немъ.

Лишь при такомъ условіи возможно наблюденіе за каждымъ мальчикомъ, за его характеромъ и наклонностями и принятіе сообразно съ этимъ особыхъ мѣръ исправленія. Безъ индивидуальнаго характера исправленія всѣ мѣры его окажутся безуспѣшными, и возникаетъ опасность, чтобы онѣ не покрылись плѣсенью формализма“.

И дѣйствительно, нужны необыкновенныя, исключительныя педагогическія способности, нужна гигантская энергія для того, чтобы не убояться задачи „индивидуальнаго исправленія“ нѣсколькихъ десятковъ дѣтей, во многихъ случаяхъ не сохранившихъ почти ничего „дѣтскаго“. Такія способности, такая энергія и—

что важнѣе всего—такая всепоглощающая любовь къ дѣлу была у того человѣка, которому пришлось вскорѣ стать во главѣ пріюта, въ качествѣ его директора.

Въ началѣ 1869 г. пріютъ постигло несчастье. Онъ сгорѣлъ, причемъ погибла большая часть пріютскаго имущества, воспитанники остались безъ крова. М. Н. Капустинъ какъ разъ въ это время получилъ назначеніе въ Ярославль и долженъ былъ по неволѣ отказаться отъ завѣдыванія пріютомъ, занявшимъ новую квартиру въ Хамовникахъ. Крайне озабоченный судьбой пріюта, М. Н. горячо желалъ сильнѣе пробудить къ нему интересъ въ Московскомъ обществѣ и весной 1870 г. въ Московскомъ университетѣ прочелъ публичную лекцію, посвященную вопросу о значеніи исправительнаго воспитанія и о Московскомъ пріютѣ. Среди слушателей находился и Н. В. Рукавишниковъ.

Ему въ то время было 25 лѣтъ. Лицо, хорошо его знавшее, такъ рисуетъ намъ его внѣшній обликъ:

„Онъ представлялъ рѣдкое сочетаніе красоты душевной и тѣлесной: природа вполне одаряетъ иногда своихъ избранниковъ. Сердечная теплота высказывалась въ свѣтломъ взглядѣ его добрыхъ синихъ глазъ, въ улыбкѣ немного крупныхъ губъ, въ крѣпкомъ пожатіи бѣлой нѣжной руки. Онъ былъ средняго роста,

говоришь обыкновенно стоя и глядѣлъ прямо въ лицо собесѣднику, пощипывая свою темную бороду“.

Отличительной чертой его въ обращеніи съ другими людьми была простота и какая то застѣнчивая скромность. Онъ мало съ кѣмъ сходилъ. Сердечно привязанный къ отцу, онъ болѣе всего на свѣтѣ любилъ свою мать, находя въ общеніи съ нею высшую радость, стремясь только къ ея ласкѣ и счастливый только ею. Его душа ни въ ту пору, ни потомъ не была загрязнена ни однимъ низменнымъ впечатлѣніемъ. И ему это не стоило никакой борьбы, никакихъ усилій. Благоухающая чистота его нравственного облика была истинно Божьимъ даромъ, а не плодомъ сознательнаго умерщвленія плоти, или разсудочнаго стремленія къ самосовершенствованію. Будучи чужда сухого аскетизма, она соединялась съ неистощимой силой нѣжности,—носила въ себѣ способность любить безгранично и самоотверженно... Въ ту пору Н. В. еще не нашелъ своего призванія. Лекція М. Н. Капустина была тѣмъ толчкомъ, который направилъ его духовныя силы на истинный путь. И въ этомъ—крупная, не забываемая заслуга М. Н.

Лекція была прочитана весной 1870 г., а къ концу лѣта уже Н. В. вступилъ въ должность директора исправительнаго пріюта, завязавъ дружескія отношенія съ М. Н. Капу-

стинымъ, оцѣнившимъ сразу прекрасную душу юноши. Первый отчетъ Н. В—ча—за 1870 г. Дѣло, съ которымъ онъ до того времени никакого теоретическаго знакомства не имѣлъ, далось ему сразу, — и сразу же онъ понялъ и оцѣнилъ одну изъ слабыхъ сторонъ пріюта, препятствовавшихъ достиженію успѣшныхъ результатовъ. Эта слабая сторона заключалась въ разнообразіи возрастовъ принимаемыхъ въ пріютъ питомцевъ и въ неопредѣленности сроковъ содержанія ихъ въ пріютѣ. Число питомцевъ въ 1870 г. доходило до 57. Н. В. говорить по этому поводу слѣдующее:

„Пріютъ имѣетъ цѣлью исправлять малолѣтнихъ преступниковъ отъ порока и преступления, въ которые они впали, быть можетъ, по винѣ безнравственныхъ родителей, по подстрекательству или вслѣдствіе крайней бѣдности; пріучить ихъ въ пріютѣ сознать полезнымъ честный трудъ, содѣлать хорошими гражданами, для чего, со стороны пріютскаго управленія требуется не строгость или наказаніе, а мѣра исправленія воспитанниковъ мягкимъ съ ними обращеніемъ, состраданіе къ нимъ и поощреніе ихъ на доброе дѣло. Но при пріемѣ въ пріютъ мальчиковъ взрослыхъ и на короткій срокъ едва ли есть какая нибудь возможность достигнуть этой цѣли. Ибо взрослыхъ и заматерѣвшихъ уже въ преступленіи пріютъ исправить не можетъ; у него

нѣтъ для нихъ особеннаго помѣщенія и нѣтъ тѣхъ средствъ, какія нужны для исправленія взрослыхъ. Они помѣщаются въ пріютъ вмѣстѣ съ маленькими. Взрослые, какъ чума, вносятъ въ пріютъ свои пороки и заражаютъ ими маленькихъ. Предупредить этотъ вредъ, оградить маленькихъ мальчиковъ отъ дурныхъ примѣровъ и оправдать названіе пріюта „исправительный“ считаю возможнымъ, только принявъ за правило не допускать въ пріютъ взрослыхъ и никого на короткій срокъ“.

Въ этихъ немногихъ словахъ видно то вдумчивое и любовное отношеніе къ дѣлу, которое такъ характерно для Н. В.... Въ нихъ, въ сущности говоря, содержится цѣлая программа. Въ высшей степени убѣдительно высказана здѣсь мысль о необходимости строгой классификаціи порочныхъ и преступныхъ дѣтей по возрасту, — о коренномъ различіи между дѣятельностью, заботящейся объ исправленіи малолѣтнихъ, и мѣрами, направленными къ принудительному воспитанію болѣе взрослыхъ дѣтей;—мысль, ставшая достояніемъ литературы и повторенная, между прочимъ, въ журналахъ засѣданій Государственнаго Совѣта, при обсужденіи новеллы 1897 г. Здѣсь же мы видимъ, какъ точно и опредѣленно было у Н. В. сознаніе своихъ силъ и способностей, — какъ тепло и какую проникнуто нѣжностью его чувство къ „маленькимъ“, которыхъ онъ, какъ

любящій отецъ, хочетъ оградить отъ пагубнаго вліянія болѣе испорченныхъ товарищей...

Я сказалъ: какъ отецъ. Да, иначе какъ отцовскимъ нельзя назвать отношеніе Н. В. къ дѣтямъ. Одинъ изъ ученыхъ, принявшихъ участіе въ извѣстномъ изданіи Гольтцендорфа и Ягемана, посвященномъ тюрьмовѣдѣнію, докторъ Фѣрингъ, говоря о требуемыхъ качествахъ начальниковъ и служащихъ въ исправительныхъ заведеніяхъ, считаетъ безусловно необходимымъ, чтобы всѣ они были женаты, ибо „здѣсь нужна не только строгая и суровая дисциплина, но и любовное, благожелательное и сердечное обращеніе съ воспитанниками, и только тотъ, кто самъ имѣетъ дѣтей и знаетъ всѣ тѣ радости, заботы и горести, которыя доставляютъ дѣти родительскому сердцу, вполне къ этому пригоденъ“.

Да, какъ общее правило, эти слова пожалуй вѣрны. Тѣмъ трогательнѣе и поразительнѣе то несомнѣнное исключеніе, которое мы видимъ въ лицѣ Н. В. Для него пріютскія дѣти были родными дѣтьми, пріютъ былъ семьей, въ которую онъ вносилъ столько любви и заботы, сколько не всякій отецъ вноситъ въ собственную свою семью.

Годомъ позже, констатируя въ отчетѣ своемъ, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, трудолюбіе и любознательность маленькихъ питомцевъ пріюта, Н. В. заботливо старается от-

странить всякую мысль о томъ, чтобы тутъ играло роль вліяніе директора.

„Рвеніе изучить мастерства, говоритъ онъ, я объясняю себѣ тѣмъ, что большинство изъ нихъ очень умные и способные мальчики; они хорошо понимаютъ, что мастерство дастъ имъ вѣрный кусокъ хлѣба и избавитъ ихъ отъ испытанныхъ уже ими невзгодъ“.

„Они очень усердно учатся... они не разъ высказывали желаніе учиться по ночамъ на кроватяхъ, что, разумѣется, имъ не позволено... Учатся же они усердно потому, что для нихъ, кромѣ интереса въ изученіи наукъ, ученье служитъ отдыхомъ отъ работъ, нѣкоторымъ разнообразіемъ въ занятіяхъ и ни мало не утомляетъ ихъ“.

Эта трогательная скромность въ оцѣнѣ своихъ заслугъ—тоже яркая черта въ характерѣ Н. В. Онъ никакъ не могъ бы послѣдовать высокоумному совѣту Шопенгауера, рекомендовавшаго не пренебрегать изреченіемъ Горация: „*Sume superbiam, quaesitam meritis...*“ И качество это въ свое время было оцѣнено тѣми, кто призванъ былъ оцѣнить самыя заслуги Н. В. Черезъ три года послѣ занятія Н. В.—чемъ должности директора—и всего за два года до его безвременной кончины, пріютъ, по ходатайству общества, при которомъ онъ состоялъ, получилъ съ Высочайшаго соизволенія наименованіе „Рукавишниковскаго“. Н. В.

считалъ себя вознагражденнымъ чрезмѣрно за свои посильные труды и заботы о несчастныхъ дѣтяхъ. Но не такъ думали виднѣйшіе представители общества. М. Н. Капустинъ, все время издали слѣдившій за жизнью пріюта, въ годовомъ засѣданіи общества, воздалъ должное дѣятельности Н. В.

„Нужна была твердая воля, сказалъ онъ, крѣпкое желаніе всецѣло посвятить себя дѣлу, чтобы превозмочь препятствія и колебанія, неизбѣжныя въ началѣ жизни каждаго учрежденія. Если стойкость вообще есть сила, то стойкость, въ достиженіи благой цѣли даетъ двойную силу. Нельзя оставаться равнодушнымъ, когда видишь передъ собой устойчивый трудъ и постоянную преданность. Пробужденіе отъ дремоты и тупости, отъ привитой грязи происходитъ медленно, нужно много усилій любви и характера, чтобы не падать духомъ и бодро трудиться для достиженія цѣли...

Жизнь Н. В. въ теченіе пяти короткихъ лѣтъ, отсчитанныхъ ему судьбой на общественное служеніе, не представляетъ ни значительныхъ событій, ни рѣзкихъ перемѣнъ. Съ внѣшней стороны она протекала крайне однообразно. Вотъ какъ рисуется ее современный біографъ.

— Н. В. всецѣло отдался пріюту. Утромъ, еле дождавшись времени, чтобы поздороваться и поговорить съ матерью, онъ отправлялся въ

пріютъ, возвращался домой, чтобы пообѣдать съ родителями, тотчасъ послѣ обѣда ѣхалъ въ пріютъ и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока всѣ воспитанники не засыпали. И это каждый день. Онъ самъ училъ воспитанниковъ грамотѣ и счету, самъ наблюдалъ за ихъ обученіемъ мастерству... Словомъ, онъ былъ все въ пріютѣ, онъ составлялъ душу этого учрежденія.

Въ этотъ именно періодъ дѣятельности Н. В., его узналъ и оцѣнилъ извѣстный англійскій проповѣдникъ Stanley, деканъ Вестминстерскаго аббатства, бывшій проѣздомъ въ Москвѣ. Онъ нѣсколько разъ посѣтилъ пріютъ, вникалъ въ жизнь его и вынесъ такое сильное впечатлѣніе о дѣятельности Н. В., что, возвратясь домой, онъ въ первой же проповѣди своей сказалъ о немъ: „я могу умереть спокойно: мнѣ удалось видѣть праведника“.

„Система воспитанія“, которую принималъ Н. В.—если только можно назвать сухимъ словомъ система то, что было откровеніемъ любящаго сердца и чистой души, система эта прекрасно охарактеризована немногими строками „Историч. очерка Рукавишниковскаго пріюта“, появившагося въ его 25-ти лѣтіе, въ 1889 г. „Въ чемъ же, читаемъ мы тутъ, заключалась эта удивительная система воспитанія? Отвѣтъ на это можно было найти лишь въ свѣтлой личности самого директора и въ его необычайной любви къ дѣтямъ. Онъ искренно,

глубоко любилъ cadaго изъ содержащихся въ немъ, любилъ такъ, какъ нѣжная мать любитъ своего собственнаго ребенка“.

„Не наказаніями, говоритъ біографъ Н. В-ча, не безжизненными уроками вызывалъ Рукавишниковъ пробужденіе добра и чести въ этихъ дѣтяхъ. Нѣтъ, но каждое слово, каждый взглядъ, каждая улыбка наставника согрѣвали сердца дѣтей и привязывали ихъ къ наставнику. Прежде, нежели въ нихъ могла зародиться сознательная мысль о долгѣ, боязнь огорчить его покоряла ихъ инстинктивно его волѣ. Его душевная чистота не боялась запятнать себя прикосновеніемъ порока; падшіе внушали ему не отвращеніе, а глубокое чувство состраданія. Онъ любилъ ихъ потому именно, что они отвержены, что они несчастны“.

Смерть неожиданно подкралась къ Н. В-чу.

Она скосила его разомъ, въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ, въ полномъ разгарѣ самоотверженной работы.

Онъ простудился на прогулкѣ съ пріютскими дѣтьми, въ тотъ же день слегъ и болѣе уже не вставалъ. Черезъ мѣсяць, 8 августа 1875 года—его не стало.

Высшее удовлетвореніе cadaго общественнаго дѣятеля-лицезрѣтъ во-очію ростъ, развитіе и успѣхъ любимаго дѣла, созрѣтъ и состарѣться подъ его легкимъ бременемъ, уйти въ иной міръ съ спокойной увѣренностью въ томъ, что

оно не погибнетъ. Въ этой радости судьба отказала Н. В-чу. Она дала ему другое: ни одно сомнѣніе, ни одно разочарованіе не успѣло коснуться его свѣтлой души. По слову поэта: „счастье онъ въ жизни вкусилъ—горе оставилъ другимъ“.

Въ наши дни, когда такъ часто воскресаетъ въ памяти жестокій, безотраднѣйшій Некрасовскій стихъ: „Суждены намъ благіе порывы, — но свершить ничего не дано“, есть что то бодрящее и живительное въ этомъ образѣ праведника, подвизавшагося высокимъ подвигомъ дѣятельнаго человѣколюбія. Для него порываться къ добру значило свершать добро. И лучшей данью его чистой памяти будетъ крѣпкое убѣжденіе въ томъ, что каждый русскій дѣятель, пожелавшій работать на томъ поприщѣ, на которомъ такъ безкорыстно и беззавѣтно трудился Н. В-чъ, почерпнетъ и стойкость, и вѣру, и силу, въ непрестанномъ воспоминаніи о его благородномъ примѣрѣ.

Влад. Набоковъ.

2007099565